УДК 342.5 ББК 67.400.6

П. Э. ФЕДОРОВА
Северо-Западный филиал
Российского государственного университета
правосудия имени В. М. Лебедева

Л. А. ЗАШЛЯПИН
Северо-Западный филиал
Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева

P. E. FEDOROVA
North-West branch
Russian State
University of Justice

L. A. ZASHLYAPIN
North-West branch
Russian State University
of Justice

ЭВОЛЮЦИОНИРОВАНИЕ ПОРЯДКА ХРАНЕНИЯ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

EVOLUTION OF THE ORDER OF STORAGE OF MATERIAL EVIDENCE

Аннотация. Актуальность исследования проблем хранения вещественных доказательств предопределена российским законодателем, который в действующем уголовно-процессуальном законе в десятки раз увеличил количество регулятивных норм, посвященных порядку хранения указанных доказательств. При этом само многоотраслевое существование института вещественных доказательств в уголовном, гражданском, арбитражном судопроизводстве, административном производстве привлекает к нему внимание.

Основной целью, реализованной в статье, являлась проверка гипотезы о том, что нормативное регулирование правил хранения вещественных доказательств в периоды действия различных уголовно-процессуальных законов могло быть недостаточным, что создавало проблемы оценки качества доказательств. Методами проведения исследования являлся формально-юридический и хронодискретный подходы.

Выводы, сформулированные в итоге, сводятся к следующему.

Нормативные правила хранения вещественных доказательств по УУС не образовывали неразрывной цепочки. Пробелы регулирования

Abstract. The relevance of the study of the problems of storage of material evidence is predetermined by the Russian legislator, who in the current criminal procedure law has increased the number of regulatory norms devoted to the procedure for storing the said evidence by tens of times. At the same time, the very multi-branch existence of the institute of material evidence in criminal, civil, arbitration proceedings, administrative proceedings attracts attention to it.

The main goal realized in the article was to test the hypothesis that the normative regulation of the rules for storing material evidence during the periods of validity of various criminal procedure laws could be insufficient, which created problems in assessing the quality of evidence. The methods of conducting the study were formal-legal and chrono-discrete approaches.

The conclusions formulated as a result are as follows.

The regulatory rules for storing material evidence under the UUS did not form an unbroken chain. The gaps in regulation were filled with circular instructions that were not criminal

заполнялись циркулярными указаниями, не являющимися уголовно-процессуальным законом. В силу этого оценка качества (свойства) вещественного доказательства была затруднена.

В советском уголовно-процессуальном законе 1923 г. количество норм, устанавливавших правила хранения вещественных доказательств (относительно УУС), было сокращено. Возникающие разрывы в регулировании движения предметов, признанных вещественными доказательствами, заполнялись детализированными инструкциями. В этом случае процессуальная форма хранения вещественных доказательств в существенной части отсутствовала, затрудняя оценку этих доказательств. Аналогичная ситуация наблюдалась и в последнем советском законе.

Действующий закон существенно расширил регулирование правил хранения вещественных доказательств. В теории уголовного процесса возникла дифференциация процессуального порядка на общий и специальный, позволяя развивать правила хранения вещественных доказательств как цельный процессуальный порядок хранения вещественных доказательств.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, предварительное следствие, судебное разбирательство, процессуальный порядок, доказывание, доказательства, вещественные доказательства, хранение

procedural law. Due to this, the assessment of the quality (property) of material evidence was difficult.

In the Soviet criminal procedural law of 1923, the number of norms establishing the rules for storing material evidence (in relation to the UUS) was reduced. The emerging gaps in the regulation of the movement of objects recognized as material evidence were filled with detailed instructions. In this case, the procedural form of storing material evidence was largely absent, making it difficult to assess this evidence. A similar situation was observed in the last Soviet law.

The current law has significantly expanded the regulation of the rules for storing material evidence. In the theory of criminal procedure, a differentiation of the procedural order into general and special arose, allowing the development of the rules for storing material evidence as a complete procedural order for storing material evidence.

Keywords: criminal procedure, criminal proceedings, preliminary investigation, trial, procedural order, proof, evidence, material evidence, storage

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования проблем хранения вещественных доказательств предопределена российским законодателем, который при переходе от предыдущего к ныне действующему уголовно-процессуальному закону в десятки раз увеличил количество регулятивных норм, посвященных порядку хранения указанных доказательств. При этом само существование института вещественных доказательств в уголовном, гражданском, арбитражном судопроизводстве, административном производстве привлекает к нему внимание. Наиболее продолжительная история этого вида доказательств связывается с уголовным процессом.

Степень научной разработки рассматриваемой проблематики исключительно велика, примером чего являются научные статьи авторитетных ученых-процессуалистов России К. Б. Калиновского, А. В. Смирнова [1, с. 11; 2, с. 28–33]; публикации, подготовленные по результатам диссертационных исследований [3, с. 349–353; 4, с. 207–212] и т. д. Представляемая статья, однако, отличается от этого научного массива тем, что в ней объектом исследования являются правила и эволюционирование регулятивных норм, включая действующие и недействующие нормативные акты с 1864 года и до настоящего времени. При этом данная объектная область заужена (из нее для ис-

следования выбираются лишь вопросы хранения вещественных доказательств), что создает элемент научной новизны. Работ, посвященных изменению нормативного регулирования правил хранения вещественных доказательств по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — УУС), Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР 1923 г. (далее — УПК 1923 г.), Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР 1960 г. (далее — УПК 1960 г.), Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации 2001 г. (далее — УПК 2001 г.), нам неизвестно[1].

Научной целью проводимого исследования являлась проверка гипотезы о том, что нормативное регулирование правил хранения вещественных доказательств в периоды действия различных уголовно-процессуальных законов могло быть недостаточным, вызывая его дополнение подзаконными актами, что создавало проблемы оценки качества доказательств из-за минимизации объема уголовно-процессуальной формы и невозможности ее дополнения правилами подзаконных актов. Одновременно мы предполагаем проверить результаты наших предыдущих исследований и возможность рассмотрения правил хранения вещественных доказательств как цельного процессуального порядка [5, с. 137–143].

Методами проведения исследования являлся формально-юридический и хронодискретный подход. Суть последнего состоит в анализе аналогичных национальных институтов в различные периоды их существования, так же образующий элемент новизны. Соответственно выбранным методам научная деятельность структурировалась на этапы, образованные периодами действия соответствующих уголовно-процессуальных законов.

[1] Библиографический поиск проводился по каталогу http://elibrary.ru (обращение 15.12.2024)

ПОРЯДОК ХРАНЕНИЯ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Изменение порядка хранения вещественных доказательств в отечественном уголовном судопроизводстве может охватывать все нормативные акты, дошедшие до современного момента существования юридической науки. Мы в настоящей статье исходной точкой анализа и применения хронодискретного метода будем полагать нормативные правила УУС. В этом случае, как справедливо замечает А. Н. Недовба, у современных исследователей проблем процессуального права появляется возможность «глубже познать природу и социальную обусловленность ранее существовавших в российском праве *институтов* (здесь и далее в цитатах курсив наш. — *П. Ф., Л. З.*)» [6, с. 175]. Рассмотрение регламентации правил о хранении вещественных доказательств, соответствующее позиционирование исследователей этого порядка в период действия УУС в качестве первого элемента нашей объектной области видится вполне возможным. К этому моменту существования российского права проблемы хранения вещественных доказательств предполагаются оформленными как в правоприменении, так и в науке.

В нормах судебного устава в качестве базовых положений, регулирующих правила хранения вещественных доказательств, нами выделены следующие.

1. В рассматриваемом нормативном акте имелся обособленный раздел «Собрание и *сохранение вещественных доказательств*», входящий в отделение второе «Розыскание предметов, обнаруживающих преступление» главы четвертой «Об исследовании события преступления». Из этого следует, что изучаемый нами вид доказательств в законодательстве второй половины XIX в. рассматривался

в качестве процессуального средства, позволявшего познать преступное событие. При этом совокупность норм, сконцентрированных в разделе о сохранении вещественных доказательств, их ориентация на доказывание преступного события, безусловно создавали в УУС процессуальный институт как возможный объект хронодискретного анализа.

2. Появление вещественных доказательств в судопроизводстве (момент начала хранения вещественных доказательств) связывался с результатами осмотров различных мест, обысков и выемок (ст. 371 УУС). Из этого вытекает, что лицом, обеспечивающим хранение вещественных доказательств, выступал субъект, проводивший указанные следственные действия.
3. Процессуальным средством, позволявшим сохранять вещественные доказательства, законодатель указывал их «перенумерование», что создавало возможность учесть каждый объект); «уложение», что мы можем понимать как размещение (укладывание) отдельно от иных объектов; «запечатывание», допускающее буквальное толкование как упаковывания или иного способа защиты от контактов с различными объектами и внешней средой (ст. 372 УУС).
4. Неотделимые от объектов вещественные доказательства (в качестве примера законодатель приводил кровь на стенах зданий) полагалось осматривать с участием сведущих людей (ст. 373 УУС). В этом случае средством сохранения являлось протоколирование.
5. Допускались процедуры сохранения лишь части предметов — вещественных доказательств, которые требовали дополнительного исследования. При этом субъектом, обеспечивающим их хранение, являлся врач или фармацевт, которые должны были применять способ укладывания, исключающий контактирование этих объектов с иными при перемещении (ст. 374 УУС). Врач в этом случае приобретал признаки процессуального статуса аналогично судебному следователю.
6. Возможен был отказ от хранения вещественных доказательств, когда в них не было «особой надобности» (ст. 375 УУС), что исключало данный вид доказательства из доказывания, замещая их распиской о возврате этих вещей собственнику или пользователю. Этим под сомнение ставилась обязанность судебного следователя по хранению вещественных доказательств, допуская наличие в указанном случае субъективного права и диспозитивного усмотрения на его использование.
7. Предусматривался аналог гражданско-правового обязательства судебного следователя. Он обязывался выдать лицу, у которого изымались вещественные доказательства, расписку (ст. 376 УУС). Данная письменная форма, как мы можем полагать, формировала одностороннее обязательство судебного следователя о хранении вещественных доказательств, или даже двустороннее, если считать договор хранения реальным, вступающим в силу с момента передачи вещи.

Из приведенного анализа нормативных положений о хранении вещественных доказательств очевидно, что в нем законодатель не учитывал всего множества процессуальных ситуаций (множества объектов, вовлекаемых в уголовное судопроизводство в качестве вещественных доказательств), требующих различных и детальных правил хранения. Правовая неопределенность, присутствующая в законе, устранялась подзаконными актами.

Циркуляром Министерства юстиции № 55 от 25 февраля 1867 года констатировалось то, что судебный следователь обязан следовать правилам УУС о хранении изъятых

вещественных доказательств, а в случае их нарушения должен был нести ответственность по закону, в связи с чем Министр юстиции требовал усиления прокурорского надзора за соблюдением указанных правил судебными следователями[2]. Циркуляром Министерства юстиции № 340 от 30 июля 1873 года указывалось, что хранение мировыми судьями денег, денежных средств и документов, являющихся вещественными доказательствами, должно осуществляться отдельно от личного имущества мировых судей, указанные «вещественные доказательства должны храниться у мировых судей в *особых сундуках под замком и печатью*»[3]. Предлагаемое циркуляром регулирование вполне подходило и для конструирования фактических правил хранения вещественных доказательств судебными следователями. Циркуляром № 419 от 4 августа 1975 года судебным следователям вменялась обязанность по упаковке и пересылке вещественных доказательств, исключая переложение этой обязанности на полицию, расходы же на указанную упаковку и пересылку должны были производиться из средств, находящихся в распоряжении председателя окружного суда[4].

Нормативные правила хранения вещественных доказательств по УУС, таким образом, не образовывали неразрывную цепь хранения вещественных доказательств, в которой каждый ее элемент должен был обеспечивать неизменное качество доказательства от его изъятия до момента исследования судом.

В теории уголовного процесса периода действия УУС существовали следующие доктринальные подходы, описывающие правила хранения вещественных доказательств.

По мнению И. Я. Фойницкого, процессуальной целью хранения вещественных доказательств являлась необходимость их исследования судом (присяжными заседателями, сторонами) [7, с. 302, 305, 307]. В этом случае проявлялась особенность вещественных доказательств, требующая их относительной неизменности [7, с. 306], возможности их фиксации иными средствами, помимо изъятия в ходе осмотра, обыска и т. д. [7, с. 303, 306]. По мнению И. Я. Фойницкого получалось, что существовали вещественные доказательства, порядок хранения которых начинался с приобщение их к делу [7, с. 303], и вещественные доказательства, которые не приобщались к уголовному делу [7, с. 306]. При этом сам автор отмечал, что относительно изменчивые или неудобопереносимые (громоздкие — на языке современного закона) объекты в качестве способа сохранения их для суда фиксируются в протокольном описании, моделировании или фотографировании [7, с. 306]. В этом случае цель собирания вещественных доказательств для последующего исследования в суде оказывалась не достигнутой. Если в судебное следствие стороной представлялась не вещь (предмет), а протокол, в котором она описана, материальная копия или фотографическое изображение, являющиеся приложениями к протоколу, то в качестве доказательства в этом случае использовалось не вещественное доказательство, а протокол следственного действия. Он имеет совершенно иную уголовно-процессуальную форму, отличную от вещественных доказательств.

С. В. Познышев, характеризуя правила хранения вещественных доказательств отмечал, что формальных процессуальных требований для хранения изъятых вещественных доказательств «в Уставе уголовного судопроизводства *нет*» [8, с. 260].

---

[2] См.: Сборник циркуляров и инструкций Министерства юстиции с 1-го января 1865 по 1-е мая 1870 года. СПб., 1870. — С. 61–62.

[3] Сборник циркуляров и инструкций Министерства юстиции с 1-го января по 31-е декабря 1873 года. СПб., 1874. — С. 571.

[4] См.: Сборник циркуляров и инструкций Министерства юстиции с 1-го января по 31-е декабря 1875 года. СПб., 1876. — С. 712–713.

С этим весьма категоричным суждением необходимо согласиться. Общий процессуальный порядок хранения вещественных доказательств в УУС отсутствовал. При этом С. В. Познышев упоминал отдельные правила, сформулированных в подзаконных актах, например, о хранении денег и ценностей — вещественных доказательств, с их предварительным упаковыванием в сундуках или ящиках, документов — в кассе окружного суда [8, с. 260], но теоретическая конструкция процессуального порядка хранения вещественных доказательств и в этом случае не возникала.

Отсутствие цельности правил хранения вещественных доказательств было существенным признаком юриспруденции конца XIX в. Так, Н. Д. Сергиевский, выделяя вещественные доказательства в качестве вида уголовно-процессуальных доказательств, полагал, что они должны представляться для исследования суду [9, с. 118, 124]. Процессуальная задача, которая реализовывалась таким образом, состояла не столько в собирании (изъятии объектов, получающих статус вещественных доказательств), сколько в их доведении до сторон и суда. Это было бы возможным при условии наличия процессуального континуума, не имеющего разрывов в порядке хранения доказательств.

Для рассматриваемой темы было важно построение уголовного судопроизводства на начале непосредственности исследования доказательств. Д. Г. Тальберг, не уделяя особого внимания правилам хранения вещественных доказательств, тем не менее, в силу начала непосредственности, подчеркивал важнейшее следствие из этого начала — необходимость изучения судом вещественных доказательств [10, с. 36]. Это имело смысл в тех случаях, когда порядок хранения обеспечивал относительную неизменность доказательства, что особо подчеркивалось в работе Н. Д. Сергиевского. Этот автор отмечал то, что «на суд должно быть представлено доказательство *наилучшее* из тех, которые могут быть отысканы» [9, с. 118]. Одним из пониманий наилучшего вещественного доказательства, являлась та вещь, которая наиболее сохраняла свое неизменное состояние, без привнесения в него последующих качеств (свойств), связанных с периодом его процессуального существования от момента изъятия и до момента его восприятия участниками судебного разбирательства. Наилучшим можно было понимать такое вещественное доказательство, которое не приобрело дополнительных и не утратило существовавших в момент изъятия признаков.

Не очень ясным для нас в результате изучения теоретических источников дореволюционного периода являлось обнаружившееся игнорирование в науке уголовного процесса проблемы коллизионности нормативного регулирования хранения вещественных доказательств между правилами уголовно-процессуального закона и гражданским уложением Российской империи. Нормативные положения, среди которых не исключалось и возникновение гражданско-правовых обязательств хранения (ответственности за хранимую вещь, невозможности использования хранимой вещи или ее уничтожения), существовавшие тогда, совершенно не упоминались учеными-процессуалистами. Из этого можно формулировать суждение, что в доктрине уголовного процесса того времени само изъятие вещей (предметов) как вещественных доказательств понималось неким дискреционным полномочием судебного следователя, объективно влекущим отсутствие детальных уголовно-процессуальных правил хранения вещественных доказательств.

В ситуации частичной неопределенности рассматриваемого порядка, существенная роль в конструировании фактических правил отводилась правоприменительной практике. Она же ориентировалась на указания исполнительных органов, получавших

окончательную интерпретацию в Постановлениях кассационного департамента Правительствующего Сената.

Так, Н. А. Смирнов, являвшийся судебным следователем, в своей работе приводил следующие правила, заимствованные из сенатских постановлений: 1) если вещественными доказательствами были деньги, то они должны были пересылаться упакованными и с уплатой страхового сбора; 2) расходы на пересылку и упаковку вещественных доказательств могли производится из денежных средств, имевшихся «в распоряжении председателя окружного суда» [11, с. 20]. Приведенные положения соответствуют упомянутым ранее правилам о хранении вещественных доказательств, сформулированных в упомянутых циркулярах. При этом очевидно, что и эти правила не образовывали общий процессуальный порядок хранения вещественных доказательств.

Можно предполагать, что первоначальная установка Российского законодателя на регулирование порядка хранения вещественных доказательств лишь нормами УУС, вскоре после вступления в силу данного нормативного акта была осознана как не обеспечивающая необходимого порядка, что повлекло возникновение регламентов, основанных на подзаконных актах. Процессуальная форма хранения доказательств в этом случае оказывалась неполной.

ПОРЯДОК ХРАНЕНИЕ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО СОВЕТСКИМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ЗАКОНАМ

Особенностью формирования процессуального порядка хранения вещественных доказательств по советскому законодательству был перерыв 1917–1923 года, когда отсутствовал единый кодифицированный уголовно-процессуальный закон и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 года действовал очень незначительный период, не создав необходимой практики и не получив отражения в науке уголовного судопроизводства.

По УПК 1923 г. можно было выделить следующие положения, касающиеся правил хранения вещественных доказательств: а) нормативный материал, посвященный хранению вещественных доказательств, существенно сократился в сравнении с УУС, правила о хранении предусматривались в главе IV «О доказательствах», без выделения особого раздела; б) регулирование рассматриваемого процессуального порядка сводилось к диспозиции ст. 59, содержавшей положение о том, что хранение вещественных доказательств определяется правилами УПК 1923 г. Более конкретно правила хранения представлялись в ст. 67 УПК 1923 г.:

— вещественные доказательства хранились у того лица, в производстве которого находилось уголовное дело и к которому соответствующим постановлением эти вещественные доказательства были приобщены;
— вещественные доказательства, «не могущие храниться в камере суда или следователя», о чем указывалось в ч. 2 ст. 67 УПК 1923 г., подлежали опечатыванию и фотографированию, допуская их последующее хранение у владельца. К такому толкованию подталкивала неперсонифицированность законодателем субъекта правоотношений в диспозиции нормы «*подлежат хранению* впредь до распоряжения соответствующих суда или следователя».

Можно полагать, что эволюционирование процессуального порядка хранения вещественных доказательств при переходе от УУС к УПК 1923 года не устранило правовую неопределенность, существовавшую в период действия УУС, а усилило ее. По этой причине регулятивные дефекты законодательства устранялись дополнением правил о хранении вещественных доказательств инструктивной регламентацией.

Подзаконное нормотворчество было не только общереспубликанским, но присутствовало и на уровне регионально-ведомственного конструирования соответствующих правил. Примером являлась «Инструкция о порядке хранения вещественных доказательств при Управлениях РК милиции» (далее — Инструкция 1933 г.), опубликованная в 1933 году в Казани[5] [15]. Уровень юридической техники данного документа виделся весьма низким. Так, с одной стороны, он запрещал хранение вещественных доказательств вне соответствующих камер подразделений милиции, допуская хранение при делах только «всякого рода переписки и документов» (п. 4), а с другой стороны, предусматривал передачу для хранение громоздких вещественных доказательств колхозам, сельсоветам, потерпевшим и т. п. (пункты 22, 26, 29). Содержание инструкции проявляло доминирующее понимания хранения вещественных доказательств как вещей (товаров). При этом, однако, всякое доказательство должно было сохранять свои относительно неизменные качества (свойства) уголовно-процессуального доказательства. В этом должна быть сущность процессуальных процедур. Инструкция 1933 г. допускала воздействие на эти доказательства, различные формы их использования. Правила п. 17 Инструкции 1933 г. разрешали пересмотр вещественных доказательств не следователем, а лицом, осуществляющим их хранение, проверку пригодности вещей и оружия, исправности часов и инструментов, что предполагало какие-то манипуляции с этими вещественными доказательствами лицом, не формирующим доказательства (не следователем). Более того, положениями п. 19 предполагалось воздействие на вещественные доказательства: периодическая чистка и смазка оружия, обработка нафталином меховых и шерстяных изделий. Парадоксально, но вещественные доказательства, имевшие явные следы преступного события, предписывалось хранить «в таком же виде, в каком были взяты на месте преступления» (п. 19). Такой порядок так же мог приводить к утрате вещественных доказательств, если они, например, были изъяты во влажном состоянии или содержали биологические следы.

Создавая противоречивость, в Инструкции 1933 г. содержалось регулирование гражданско-правовых вопросов: передача вещественных доказательств различным лицах «при наличии достаточных гарантий их сохранности» (п. 29); возложение на потерпевшего обязанности возместить лицу, осуществлявшему хранение скота как вещественных доказательств, расходы на такое хранение (п. 31); передача после истечения сроков исковой давности вещественных доказательств (скота) в собственность колхозов или иных советских организаций (п. 32). Надо признать, однако, что в этом случае была предпринята попытка учета возможного регулирования правил хранения нормами двух отраслей.

В республиканской Инструкции «О приеме, хранении и сдаче вещественных доказательств» (далее — Инструкция 1935 г.) отчасти повторялись те же положения, что и в Инструкции 1933 г., но при этом появилось инструктивное правило п. 24, образующее суть порядка хранения вещественных доказательств: «При хранении ... вещественных доказательств должны быть соблюдены предосторожности, необходимые для *сохранения тех признаков* и свойств, в силу которых тот или иной предмет по делу получает *значение вещественных доказательств*»[6]. В этом случае, однако, возникают сомне-

[5] См.: СССР. Главное управление милиции. Инструкция о порядке хранения вещественных доказательств при управлениях РК милиции. — Казань, 1933. — С. 3–18.

[6] РСФСР. Народный комиссариат юстиции. О приеме, хранении и сдаче вещественных доказательств : Инструкция НКЮ РСФСР № 5 от 25 янв. 1935 г. М., 1935. — С. 14.

ния в обоснованности допущения некоторых процедур. Так положениями п. 12 этой инструкции допускалось, например, спиртование и замораживание скоропортящихся предметов — вещественных доказательств, являющееся воздействием, изменяющим (не сохраняющим) свойства вещественных доказательств.

Очевидно, что недостаток регулирования порядка хранения вещественных доказательств в первом советском законе вел к расширению подзаконного регулирования, хотя рассматриваемые правила связывались с сущностью уголовно-процессуального доказывания (доказательств).

Теория уголовного процесса периода действия УПК 1923 г. предлагала для понимания процессуального порядка хранения доказательств следующие научные положения.

Профессор С. В. Познышев, формировавший свое правосознание в период Российской империи, придерживался суждений, соответствующих правилам хранения вещественных доказательств по УУС [12, с. 129]. Близко находились и научные позиции, которые сводили порядок хранение вещественных доказательств лишь к процессуальным правилам. Такое суждение присутствовало в работе А. Я. Вышинского, вышедшей в свет в 1927 г., то есть вскоре после принятия УПК 1923 г. [13, с. 31], при этом оно не соответствовало регламентации рассматриваемой деятельности ведомственными инструкциями. Позднее данный автор поменял свою позицию. В публикации 1938 г. он фактически следовал указаниям Инструкции 1935 г., отчасти вступая с ней в противоречие. Так, например, А. Я. Вышинский упоминал о невозможности использования консервирующих веществ (спирта и формалина) для сохранения вещественных доказательств [14, с. 21], что противоречило требованиям Инструкции 1935 г. Одновременно в данной работе присутствовало множество рекомендаций (сегодня их можно назвать криминалистическими) элементарного содержания: упаковывание вещественных доказательств в стеклянные банки; перевозку упакованных вещественных доказательств в сене или стружках [14, с. 21–22].

Профессор М. А. Чельцов-Бебутов также писал, что основным правилом хранения всех (подчеркивая это) вещественных доказательств являлось их приобщение к материалам дела [15, с. 156]. При этом данный автор допускал не применение данного правила тогда, когда вещественные доказательства не подлежали дальнейшему экспертному исследованию [15, с. 156]. В этом случае мы можем усматривать интересную идею о связи процессуальных порядков. Порядки собирания вещественных доказательств, их хранения и последующего распоряжения ими могут рассматриваться взаимообусловленными.

Данный период, таким образом, характеризуется сокращением нормативных правил регулирования порядка хранения вещественных доказательств в законе, и одновременным расширением регламентации процедур хранения на основе криминалистических рекомендаций и инструктивных указаний. В результате этого уголовно-процессуальная форма порядка хранения вещественных доказательств сокращалась.

В УПК 1960 г. советский законодатель упоминал следующие правила хранения вещественных доказательств:

— основной формой хранения вещественных доказательств являлось их приобщение к материалам уголовного дела с предварительным описанием в протоколе и возможностью фотографирования (ч. 1 ст. 84 УПК 1960 г.);
— громоздкие доказательства могли храниться в месте, определенном следователем или лицом, осуществлявшим дознание (ч. 2 ст. 84 УПК 1960 г.);
— допускалась сдача скоропортящихся вещественных доказательств в профиль-

ные учреждения, которые могли их использовать, компенсируя их стоимости владельцам (ч. 3 ст. 85 УПК 1960 г.);
— вещественные доказательства, если это не причиняло ущерба судебному разбирательству, могли возвращаться владельцам (ч. 2 ст. 85 УПК 1960 г.).

Нормативное регулирование, таким образом, следовало идеям УПК 1923 г. и также не учитывало необходимую неразрывность движения доказательства от места изъятия к суду.

Доктрина советского уголовного процесса представлялась далее приведенными суждениями, ее особенностями являлось то, что, развивая тренд, проявившийся в упомянутых работах А. Я. Вышинского, проблемы хранения вещественных доказательств оказались в объектной области исследования ученых-криминалистов [16, с. 87–88; 17, с. 3–196]. Соответственно в криминалистике укрепилось направление о хранении вещественных доказательств, что технологично связывалось с результатами следственных действий, в ходе которых происходило изъятие предметов, признаваемых потом вещественными доказательствами, а так же с необходимостью учета перспективы экспертного исследования этих вещественных доказательств. Рациональность криминалистической деятельности более эффективно могла создавать континуум, сохранявший фактическую неизменность вещественных доказательств, что могло происходить вне уголовно-процессуальной формы (вне правил оценки доказательств).

Процессуальный аспект, однако, по-прежнему отражался в работах ученых-процессуалистов. Так, в авторитетном источнике «Теория доказательств в советском уголовном процессе» авторы раздела о вещественных доказательствах А. И. Винберг, Г. И. Кочаров, С. С. Степичев писали о том, что условиями хранения вещественных доказательств, являются особенности их собирания и последующего исследования, считая, что чаще всего вещественные доказательства должны храниться при деле [18, с. 261]. В этом случае мы видим подтверждение ранее упомянутой позиции М. А. Чельцова-Бебутова о взаимосвязи процессуальных порядков.

И. В. Макаров, исследуя вопрос о хранении документов — вещественных доказательств, фактически следовал положениям Инструкции 1933 г. и Инструкции 1935 г., указывая на то, что требования, предъявляемые к хранению вещественных доказательств должны исключать их повреждение и изменение, включая и такие действия как надписи на документах, отметки и т. п. [19, с. 6–7]. Подобное являлось примером инструктивно-криминалистического упорядочивания доказательственной деятельности.

Совокупность же всех приведенных позиций ученых-процессуалистов не предлагала цельный доктринальный порядок хранения вещественных доказательств, допуская констатацию ослабления внимания к процессуальной проблематике хранения вещественных доказательств и его перенесение в целевые установки криминалистики и подзаконных актов.

ПОРЯДОК ХРАНЕНИЕ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СОВРЕМЕННОМ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Современная юридическая наука, по нашему мнению, восприняв в ходе эволюционирования из предыдущих законов положительные аспекты правил их хранения, существенно их расширила. В действующем УПК 2002 г. имеется значительно больший объем нормативного материала, чем это предусматривалось в предыдущих нормативных актах. Только в ст. 82 УПК 2001 г. «Хранение вещественных доказательств» имеется 35 абзацев и кратное количество регулятивных норм.

Кроме того, в качестве подзаконных актов, определяющих порядок хранения

вещественных доказательств, сегодня выступают соответствующие постановлениями Правительства Российской Федерации[7] и множество ведомственных инструкций, совокупно образующих цепь хранения вещественных доказательств в предварительном расследовании и судебном разбирательстве.

В науке уголовного процесса мы также находим больший спектр научных взглядов, глубже отражающих различные проблемы хранения вещественных доказательств.

В монографии О. Е. Головкина и А. В. Победкина (в настоящее время научная работа ведется на уровне диссертационных и монографических исследований) проблематика хранения вещественных доказательств раскрывается через концепт «порядок», отмечается, что этому порядку в действующим законе «уделяется недостаточно внимания» [20, с. 77]. В результате соавторы выводят два порядка: 1) хранение вещественных доказательств при уголовном деле; 2) хранение вещественных доказательств, которые не могут храниться при уголовном деле [20, с. 77, 96]. Такой подход надо признать перспективным, позволяющим уйти от доминирующего понимания хранения вещественных доказательств, возникшего в предыдущий период, как проблематики, раскрываемой в криминалистических рекомендациях.

Другой авторский коллектив, используя идею О. Е. Головкина и А. В. Победкина, выделяет общий порядок хранения вещественных доказательств и особый порядок хранения вещественных доказательств [21, с. 27, 36]. Данная детализация весьма важна. В силу множества вещей (материальных предметов), форм их взаимодействия в ходе преступного события и отражения контакта между ними в ходе этого события), несомненна необходимость конструирования общего порядка, который должен применяться ко всем процедурам хранения вещественных доказательств и позволять создавать на его основе особые порядки. Иллюстрирующим примером последнего может быть предложенный С. С. Безруковым, Е. С. Кузьменко и Е. И. Куприяновым процессуальный порядок хранения вещественных доказательств, являющихся источником ионизирующего излучения [22, с. 3–47].

Очевидно, что современный период развития нормативных правил хранения вещественных доказательств, соответствующее отражение актуального содержания данных правил и перспектив дальнейшего изучения в науке уголовного процесса, характеризуются явными признаками прогресса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Применение хронодискретного метода исследования позволяет утверждать, что нормативные правила хранения вещественных доказательств по УУС не образовывали такой цепочки. Пробелы регулирования (дефекты уголовно-процессуальной формы) заполнялись циркулярными указаниями, не являющимися уголовно-процессуальным законом. В силу этого оценка качества

[7] См.: Постановление Правительства РФ от 28 сентября 2023 г. № 1589 «Об утверждении Правил учета и хранения изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов и документов до признания их вещественными доказательствами по уголовным делам или до их возврата лицам, у которых они были изъяты, и арестованного имущества, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, а также возврата вещественных доказательств по уголовным делам в виде денег их законному владельцу и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельного положения акта Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 9 октября 2023 г. № 41 ст. 7316; Постановление Правительства РФ от 23 августа 2012 г. № 848 «О порядке передачи на реализацию предметов, являющихся вещественными доказательствами, хранение которых до окончания уголовного дела или при уголовном деле затруднено, и их уничтожения» // Собрании законодательства Российской Федерации от 3 сентября 2012 г. № 36 ст. 4900 (с изменениями от 23 апреля 2024 г. № 528.

(свойства) вещественного доказательства была затруднена.

В советском уголовно-процессуальном законе 1923 г. количество норм, устанавливавших правила хранения вещественных доказательств (относительно УУС), было сокращено. Возникающие разрывы в регулировании движения предметов, признанных вещественными доказательствами, до момента завершения судебного исследования, стали заполняться детализированными инструкциями, стимулирующими выработку криминалистических рекомендаций. В этом случае процессуальная форма хранения вещественных доказательств в существенной части отсутствовала, затрудняя оценку этих доказательств.

В последнем советском законе совокупность норм, определяющих процедуры хранения вещественных доказательств, также была недостаточной для полной уголовно-процессуальной формы. Не все этапы движения вещественного доказательства были обеспечены нормативным регулированием. Доминирующими в этот период являлись криминалистические рекомендации, определяющие рациональный порядок хранения и перемещения вещественных доказательств. Разрывы регулирования некоторых этапов хранения и перемещения вещественных доказательств допускали утрату качеств (свойств) доказательств.

Действующий закон существенно расширил (детализировал) регулирование правил хранения вещественных доказательств. Одновременно были возведены до уровня Постановлений правительства инструктивные указания о хранении вещественных доказательств. В теории уголовного процесса возникла дифференциация процессуального порядка на общий и специальный, что позволяет далее развивать правила хранения вещественных доказательств как цельный процессуальный порядок хранения вещественных доказательств, формирую неразрывную цель хранения и движения вещественных доказательств от момента изъятия и до момента их исследования и оценки судом. Данная неразрывная цепь, представляемая как процессуальный порядок хранения и перемещения вещественных доказательств, позволяет оценивать их как допустимые и достоверные.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Калиновский К. Б.* Вещественные доказательства: проблемные вопросы по материалам практики Конституционного Суда РФ / К. Б. Калиновский // Уголовный процесс. — 2022. — № 12(216). — С. 22-29. — DOI 10.53114/20764413_2022_12_22. — EDN LHJYWG.
2. *Смирнов А. В.* Что считать вещественным доказательством / А. В. Смирнов // Уголовный процесс. — 2011. — № 4(76). — С. 28-33. — EDN PBYJJV.
3. *Муратов К. Д.* Хранение цифровой информации при формировании системы вещественных доказательств по уголовному делу / К. Д. Муратов // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум : Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2024 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. — С. 349-353. — EDN BQGYQL.
4. *Головкин О. Е.* О совершенствовании сроков хранения вещественных доказательств / О. Е. Головкин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2014. — № 4(19). — С. 207–212. — EDN TFNAJN.

5. *Зашляпин Л. А.* Процессуальный порядок: понятие / Л. А. Зашляпин // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19, № 5(162). — С. 137–143. — DOI 10.17803/1994-1471.2024.162.5.137-143. — EDN BOKOVC.
6. *Недовба А. Н.* Хронодискретные институты гражданского процессуального права: теоретико-методологические основы исследования / А. Н. Недовба // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2015. — № 2(103). — С. 171–175. — EDN TSAMHD.
7. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. / И. Я. Фойницкий. СПб., — 1996. — Т. 2. — 605 с.
8. *Познышев С. В.* Элементарный учебник русского уголовного процесса / С. В. Познышев . — Москва, 1913. — 329 с.
9. *Сергиевский Н. Д.* Русское уголовное судопроизводство / Н. Д. Сергиевский. СПб., 1887. — 184 с.
10. *Тальберг Д. Г.* Русское уголовное судопроизводство : Пособие к лекциям: в 2-х т. / Д. Г. Тальберг. Киев, 1889. — Т. 1 — 318 с.
11. *Смирнов Н. А.* Предварительное следствие по циркулярам и инструкциям Министерства юстиции, циркулярным указам Правительствующего сената и решениям общих собраний 1-го и кассационных департаментов Правительствующего сената, последовавшим в 1866-1888 гг. : С прил.: правил об отчетности судеб. следователей, правил о приеме и расходовании поступающих к ним сумм и образцов делопроизводства судеб. следователей / Н. А. Смирнов. — СПб., 1888. — 91 с.
12. *Познышев С. В.* Доказательства в уголовном процессе / С. В. Познышев. — М., — 190 с.
13. *Вышинский А. Я.* Уголовный процесс СССР / А. Я. Вышинский. — М., 1927. — 59 с.
14. Работа с вещественными доказательствами и следами : Пособие для народных следователей / Под ред. А. Я. Вышинского. — М., 1938. — 60 с.
15. *Чельцов-Бебутов М. А.* Советский уголовный процесс / М. А. Чельцов-Бебутов. Вып. 2. — 1929. — 338 с.
16. *Шаркова Т. Ф.* О самостоятельных исследованиях вещественных доказательств, проводимых следователем / Т. Ф. Шаркова // Криминалистика и судебная экспертиза. — 1969. — №. 6. — С. 87–91.
17. *Селиванов Н. А.* Вещественные доказательства : криминалистическое и уголовно-процессуальное исследование / Н. А. Селиванов. М., 1971. — 199 с.
18. Теория доказательств в советском уголовном процессе: Часть особенная / Отв. ред. Н. В. Жогин. — М., 1967. — 415 с. ;
19. *Макаров И. В.* Обращение с документами — вещественными доказательствами / И. В. Макаров, А. П. Чадов. — Пермь, 1960. — 22 с.
20. *Головкин О. Е.* Хранение вещественных доказательств : монография / О. Е. Головкин, А. В. Победкин. — М., 2019. — 137 с.
21. *Антонов И. А.* Организация хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам о преступлениях, отнесенных к подследственности следователей органов внутренних дел : учебное пособие / И. А. Антонов, Е. А. Ефремова, А. В. Победкин. — М., 2020. — 62 с.
22. *Безруков С. С.* Порядок изъятия, хранения, обращения и утилизации источников ионизирующих излучений до возбуждения уголовного дела и в рамках производства предварительного расследования : методические рекомендации / С. С. Безруков, Е. С. Кузьменко, Е. И. Куприянов. — М., 2022. — 47 с.

REFERENCES

1. *Kalinovskij K. B.* Veshchestvennye dokazatel'stva: problemnye voprosy po materialam praktiki Konstitucionnogo Suda RF / K. B. Kalinovskij [Material evidence: problematic issues based on the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation] // Ugolovnyj process. — 2022, No. 12(216), P. 22–29, DOI 10.53114/20764413_2022_12_22. — EDN LHJYWG.
2. Smirnov, A. V. CHto schitat' veshchestvennym dokazatel'stvom / A. V. Smirnov [What is considered material evidence] // Ugolovnyj process. — 2011, No. 4(76), P. 28–33. — EDN PBYJJV.
3. Muratov, K. D. Hranenie cifrovoj informacii pri formirovanii sistemy veshchestvennyh dokazatel'stv po ugolovnomu delu / K. D. Muratov [Storage of digital information in the formation of a system

of material evidence in a criminal case] // Sankt-Peterburgskij mezhdunarodnyj kriminalisticheskij forum : Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 10–11 iyunya 2024 goda. — Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2024, P. 349–353. — EDN BQGYQL.

4. *Golovkin O. E.* O sovershenstvovanii srokov hraneniya veshchestvennyh dokazatel'stv / O. E. Golovkin [On improving the storage periods of material evidence] // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. — 2014, No. 4(19), P. 207–212. — EDN TFNAJN.
5. *Zashlyapin L. A.* Processual'nyj poryadok: ponyatie / L. A. Zashlyapin [Procedural order: concept] // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2024, T. 19, No. 5(162), P. 137–143. — DOI 10.17803/1994-1471.2024.162.5.137-143. — EDN BOKOVC.
6. *Nedovba A. N.* Hronodiskretnye instituty grazhdanskogo processual'nogo prava: teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya / A. N. Nedovba [Chronodiscrete institutions of civil procedural law: theoretical and methodological foundations of the study] // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. — 2015, No. 2(103), P. 171–175. — EDN TSAMHD.
7. *Fojnickij I. YA.* Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva: v 2 t. / I. YA. Fojnickij [Course of criminal proceedings]. SPb., — 1996, T. 2, 605 p.
8. *Poznyshev, P. V.* Elementarnyj uchebnik russkogo ugolovnogo processa / P. V. Poznyshev [Elementary textbook of Russian criminal procedure]. — Moskva, 1913, 329 p.
9. *Sergievskij N. D.* Russkoe ugolovnoe sudoproizvodstvo / N. D. Sergievskij [Russian criminal proceedings]. SPb., 1887, 184 p.
10. *Tal'berg D. G.* Russkoe ugolovnoe sudoproizvodstvo : Posobie k lekciyam: v 2-h t. / D. G. Tal'berg [Russian criminal proceedings: A manual for lectures: in 2 volumes]. Kiev, 1889, T. 1, 318 p.
11. *Smirnov, N. A.* Predvaritel'noe sledstvie po cirkulyaram i instrukciyam Ministerstva yusticii, cirkulyarnym ukazam Pravitel'stvuyushchego senata i resheniyam obshchih sobranij 1-go i kassacionnyh departamentov Pravitel'stvuyushchego senata, posledovavshim v 1866-1888 gg : S pril.: pravil ob otchetnosti sudeb. sledovatelej, pravil o prieme i raskhodovanii postupayushchih k nim summ i obrazcov deloproizvodstva sudeb. sledovatelej / N. A. Smirnov [Preliminary investigation according to circulars and instructions of the Ministry of Justice, circular decrees of the Governing Senate and decisions of general meetings of the 1st and cassation departments of the Governing Senate, which followed in 1866-1888]. — SPb., 1888, 91 p.
12. *Poznyshev P. V.* Dokazatel'stva v ugolovnom processe / P. V. Poznyshev [Evidence in Criminal Proceedings]. — M., 190 p.
13. *Vyshinskij A. YA.* Ugolovnyj process SSSR / A. YA. Vyshinskij [Criminal Procedure of the USSR]. — M., 1927, 59 p.
14. Rabota s veshchestvennymi dokazatel'stvami i sledami : Posobie dlya narodnyh sledovatelej / Pod red. A. YA. Vyshinskogo [Working with Material Evidence and Traces: A Manual for People's Investigators]. — M., 1938, 60 p.
15. *CHel'cov-Bebutov M. A.* Sovetskij ugolovnyj process / M. A. CHel'cov-Bebutov [Soviet Criminal Procedure]. Vyp. 2. — 1929, 338 p.
16. *SHarkova, T. F.* O samostoyatel'nyh issledovaniyah veshchestvennyh dokazatel'stv, provodimyh sledovatelem / T. F. SHarkova [On Independent Research of Material Evidence Conducted by an Investigator] // Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza. — 1969, No. 6, P. 87–91.
17. *Selivanov N. A.* Veshchestvennye dokazatel'stva : kriminalisticheskoe i ugolovno-processual'noe issledovanie [Material Evidence: Forensic and Criminal Procedure Research]. M., 1971. — 199 p.
18. Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom processe : CHast' osobennaya [Theory of evidence in the Soviet criminal procedure: Special part] / Otv. red. N. V. ZHogin. — M., 1967, 415 p. ;
19. Makarov, I. V. Obrashchenie s dokumentami — veshchestvennymi dokazatel'stvami / I. V. Makarov, A. P. Chadov [Handling documents — material evidence]. — Perm', 1960, 22 p.
20. Golovkin, O. E. Hranenie veshchestvennyh dokazatel'stv : monografiya / O. E. Golovkin, A. V. Pobedkin [Storage of material evidence: monograph]. — M., 2019, 137 p.
21. *Antonov I. A.* Organizaciya hraneniya, ucheta i peredachi veshchestvennyh dokazatel'stv po ugolovnym delam o prestupleniyah, otnesennyh k podsledstvennosti sledovatelej organov vnutrennih del: uchebnoe posobie / I. A. Antonov, E. A. Efremova, A. V. Pobedkin [Organization of storage,

accounting and transfer of material evidence in criminal cases on crimes attributed to the jurisdiction of investigators of internal affairs bodies: a textbook]. — M., 2020, 62 p.

22. *Bezrukov S. S.* Poryadok iz"yatiya, hraneniya, obrashcheniya i utilizacii istochnikov ioniziruyushchih izluchenij do vozbuzhdeniya ugolovnogo dela i v ramkah proizvodstva predvaritel'nogo rassledovaniya : metodicheskie rekomendacii / S. S. Bezrukov, E. S. Kuz'menko, E. I. Kupriyanov [The procedure for the seizure, storage, handling and disposal of sources of ionizing radiation before the initiation of a criminal case and within the framework of the preliminary investigation: methodological recommendations]. — M., 2022, 47 p.

Информация об авторе

ФЕДОРОВА ПОЛИНА ЭДУАРДОВНА
студент 5 курса Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, г. Санкт-Петербург, Россия e-mail: fedorova.polina.2002@mail.ru

ЗАШЛЯПИН ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ
кандидат юридических наук, преподаватель Северо-Западного филиала Российского государственного правосудия имени В.М. Лебедева, г. Санкт-Петербург, Россия e-mail: simple.teacher@outlook.com

About the author

POLINA E. FEDOROVA
5th year student North-West branch Russian State University of Justice Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0009-0007-1392-4236

LEONID A. ZASHLYAPIN
candidate of legal sciences, teacher of the North-West branch Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0002-2502-8216

Статья поступила в редакцию 21.01.2025; одобрена после рецензирования 11.02.2025; принята к публикации 03.03.2025.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted 21.01.2025; approved after reviewing 11.02.2025; accepted for publication 03.03.2025.

The authors read and approved the final version of the manuscript.